

зволюют по-новому увидеть общество палеологовской эпохи. Надо полагать, рецензируемая книга, как все новое, вдохновит на последующие исследования в этой области и даст почву для научных дискуссий.

М.А. Поляковская

Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб.: Алетей, 2001. 474 с. (“Византийская библиотека”)

Нет нужды доказывать, что история раннесредневековой византийской Италии – достойный предмет изучения, таящий массу нераскрытых возможностей для исследования не только особого, специфичного анализа, но и всей переходной эпохи, завершившийся становлением новых феодальных отношений. По сути дела это своеобразная “лаборатория”, позволяющая выяснять специфику становления одного из вариантов феодализма, не похожего на византийский и, вместе с тем, имевшего с ним общие корни. Незатухающий интерес к истории средневековой Италии, ее византийских владений на юге, в Апулии – Калаврии, и на севере, в Равеннском экзархате и обоих Пентаполях, наблюдается во все новых и новых работах, появляющихся по этой проблематике (Г. Рики – о Равенне, П. Арзура – о Неаполе в “темные века”, Б. Вард-Перкинс – о Северной и Центральной Италии, Г. Баркер – об италийском урбанистическом “пейзаже” I тысячелетия н.э., Дж.-М. Мартин и Х. Нойе – о городах и поселениях Италии V–X вв. и др.). В этот ряд последних фундаментальных исследований самым достойным образом вливается книга О.Р. Бородина, которая существенно пополняет вклад, сделанный известной, ставшей классической, монографией А. Гийу, изданной в Риме тридцать лет назад. Обращение к истории Равеннского экзархата в самом широком смысле позволило О.Р. Бородину решить ряд ключевых, принципиально важных вопросов, причем решить в аспектах, отличающихся существенной новизной. Главные среди них – уточнение организационной и социальной системы развития итало-византийских вооруженных сил, прослеживание формирования имперской идеологии в восточноиталийской зоне и на западе Европы, установление роли папства и Равеннской автокефальной архиепископии, выяснение специфики эволюции экономического (аграрного и городского) развития региона и в итоге выявление клубка причин, предопределивших к середине VIII в. отделение Северной и Средней Италии от Византии.

Следует отметить владение О.Р. Бородиным всеми нюансами историографии темы и энциклопедический охват всего комплекса доступных источников, включающего самые разные их типы. При характеристике источников, их систематизации автор учитывал как форму, так и содержание источников, отчего некоторые жанровые произведения, скажем, письма пап Григория I, Мартина I и др., оказались не среди эпистолярных памятников, а среди произведений богословского содержания (с. 34). По той же причине в одном разделе (“Памятники культуры”) оказались географический трактат Равеннского Анонима, ремесленный трактат об окраске мозаик и формулярный *Liber diurnus*, хотя последний носит явную печать актов, документального источника (с. 37–42). Правовые источники, которым было справедливо уделено особенно много внимания, оказались в предлагаемой систематизации на предпоследнем месте (с. 49–62), что не соответствует высокой степени их авторитетности, достоверности, а замкнул этот ряд исключительно ценный и информативный актовый материал, известный как “равеннские папирусы” (с. 62–67). К сожалению, в этом аналитическом обзоре оказался не учтен вклад нумизматических, сфрагистических и археологических источников, какими несомненно располагал и пользовался автор книги.

Структура последней тесно увязана с задачами исследования и в какой-то степени предопределена ими, что, впрочем, вполне оправдано. Первая часть работы (с. 69–88) охватывает проблемы социально-политической, церковной и административной истории византийской Италии (за исключением Апулии, Калаврии, Лукании и Сицилии), тогда как вторая часть (с. 189–340) посвящена истории северо-восточного региона визан-

тийской Италии – Равеннскому экзархату и Пентаполю – преимущественно с точки зрения экономических и этнических процессов. Она весьма интересна, ибо изучением особенностей хозяйства Восточной Италии после VII в. историки занимались незаслуженно мало. К примеру, такой вопрос, как роль торговли в связях Равеннского экзархата с Византией, ставился лишь в статье Л. Руджини, да и то во временных рамках позднеантичного периода. Остается неясность в степени упадка византийских городов Италии, профессиональной специализации, а также в оценке роли торговли, преимущественно внешней, в преодолении центробежных тенденций.

В этой связи вполне уместными, логичными представляются хронологические рамки исследования, которое начинается с окончания Готских войн (середина VI в.) и заканчивается падением Равеннского экзархата (середина VIII в.), когда Северо-Восточная Италия отделилась от Византии. Правда, на этом фоне несколько обособленно смотрится параграф книги, посвященный участию римской курии в знаменитом венчании Карла Великого императорской короной 25 декабря 800 г. (с. 175–184), что сделано для того, чтобы до конца проследить эволюцию идеи империи на Западе.

Всяческого внимания заслуживает попытка О.Р. Бородина разобраться в особенностях таких административно-территориальных образований как экзархаты и фемы, четко определить их не всегда уловимые отличия (с. 87–100). В этой связи правомерно подчеркивание необязательности совпадения военной службы с обладанием стратиотским землевладением. Действительно, отсутствие системы “стратиотика ктисис”, системы солдатских наделов за службу – существенный момент, без которого будет неполной картина причин, вызвавших ослабление власти империи в Италии. Однако надо учесть, что этот момент, как и ослабление внешнеторговых связей, не всегда срабатывал в сторону усиления сепаратизма. Например, вооруженные силы фемы Климаты–Херсон, созданной в 840–841 гг. в Таврике, тоже должны были опираться главным образом на местных земельных и прочих собственников, федератов, но это обстоятельство не влекло к отпадению Херсона от империи, следовательно, его можно учитывать только в совокупности с иными, более важными причинами, крепившими регионализм. Поэтому же не следует преувеличивать антиимперский характер Равеннского восстания 710 г. и видеть в нем некую особую “грань” во взаимоотношениях империи “с самым византийским городом Северной и Средней Италии”. О.Р. Бородин признает, что “население Равенны традиционно было более лояльно по отношению к империи, чем население Рима” (с. 148). Выступление было, по сути дела, спровоцировано Юстинианом II, который, к слову, бежал из Херсона не в 705 г., а вскоре после 698 г. (ср. с. 162). Оно было направлено против императора лично и в этом смысле ничем не отличалось от аналогичных выступлений херсонитов и босфорян, икиторов византийских архонтий в Таврике осенью 711 г. Это были претензии подданных к конкретному непопулярному василевсу, оказавшемуся недостойным трона, протест против его злодеяний, но не больше. Недаром равеннцы после вернулись к монофелитству и к автокефалии Равеннской епископии. Решающую роль в последующем отпадении от Византии сыграли подвижки иного рода, связанные с внутренними социально-политическими и ментальными трансформациями, которые О.Р. Бородин наметил совершенно верно, как и порядок событий восстания в Равенне. В отличие от А. Гийу он относит их к лету–осени 710 г., а не к 711 г., когда главным действующим лицом разыгравшейся исторической драмы стал уже Херсон, а не Равенна.

Кстати, с внешнеполитической точки зрения византийская Восточная Италия должна была чувствовать себя отнюдь не так тревожно, как представляется некоторым византинистам. Предложенная в книге периодизация внешнеполитической истории византийско-лангобардских отношений убедительно показывает, что после первого удара 568–574 гг. Византия быстро оправилась, перешла в наступление, пыталась вернуть свои владения и укрепить позиции; отношения с лангобардами до второй четверти VIII в. были относительно стабильными, мирными, а варварские племена никогда не расселялись на византийских территориях Италии. Поэтому крушение византийской власти здесь произошло как бы внезапно, вдруг, за недолгий срок в четверть века. Последнее еще раз подтверждает основополагающую мысль автора книги, что причины случившегося лежали не у поверхности событий, а медленно и неотвратимо зрели в определенных мест-

ных социальных и этнических кругах. Именно они стали основой для антиимперских центробежных тенденций в византийской Италии, что вместе с общностью социального развития византийской Романьи и лангобардской Италии предопределило вхождение византийских владений в состав Лангобардского королевства. Самая же главная причина случившегося видится автору в том, что по темпам феодализации Восточная Италия опережала Византию. В связи с этим стоило бы подчеркнуть, что беда крылась не с слабости Ромейской империи эпохи “темных веков” (она, напротив, проявила совершенно потрясающую жизнеспособность), а в объективных исторических обстоятельствах, обрешших цивилизацию Запада и в том числе большую часть Италии на следование по пути развития, все более отклонявшегося от классического византийского. Базы для “второй реконкисты” после 751 г. уже не было и не могло быть, учитывая происшедшие к этому времени изменения. Эволюция византийской Восточной Италии пришла к своему закономерному концу, в чем О.Р. Бородин совершенно прав.

Немалую роль в понимании этого играет вторая – социально-экономическая часть исследования, в которой одной из лучших является предпоследняя, объемная глава “Город и торговля” (с. 244–309). Она начинается с рассмотрения эволюции курии вплоть до ее исчезновения, а точнее, перерождения в делопроизводительную организацию со штатом постоянных и даже наследственных магистратов – явление, собственно говоря, обшевизантийское, а не специфически италийское (с. 245–252).

Разбирая вопрос о судьбах муниципальной собственности, О.Р. Бородин высказал предположение о возможном контроле, осуществляемом церковной властью в городе за эксплуатацией некоторых общественных сооружений, в частности бань. Можно добавить, что эта версия находит косвенное подтверждение и в материалах раскопок ранне-средневекового византийского Херсона, где одна из бань обнаружена сооруженной рядом с Северной базиликой, являвшейся крупным католиконом, а другая, вероятно, существовала неподалеку от экзонартекса кафедрального храма – Уваровской базилики (остатки стен этой бани с проходящими сквозь них гончарными трубами были разобраны в последней четверти XIX в. во время сооружения дома для проживания академика Ф.И. Чагина, работавшего над внутренней отделкой выстроенного в Херсонесе Владимирского собора).

Говоря о строительной деятельности в Равенском экзархате, О.Р. Бородин обратил внимание на ее исключительно высокий, невиданный по интенсивности характер во второй половине VI в., отмеченный повсеместным возведением храмов, монастырей и прочих общественных сооружений. После этого в книге констатируется “глубокий спад” с начала VII в. Однако было бы странно ожидать крупных строительных работ в течение последующего столетия после столь интенсивного рывка. Византийская Италия не могла оставаться в состоянии непрерывной стройки, тем более что задача, поставленная в первые десятилетия византийского господства, была масштабна, с успехом решена. Следует обратить внимание, что в первой трети VIII в. уже идет строительство, перестройка, обновление отдельных зданий. Что касается руин порта Классиса и прекращения военного строительства, то это относится к IX в., к поствизантийскому времени.

Трудно согласиться с тем, что раннесредневековое провинциальное строительство было способно “...обеспечить лишь сооружение мелких церквей и реставрацию более древних зданий” (с. 262). Даже для византийской Италии этот вывод требует оговорки, на которые подталкивают факт строительства собора в Комаккьо в начале VIII в. и обширного *domus Felicis* в Равенне. Может быть, время крупных, универсальных по замыслу сооружений действительно прошло, церкви стали соответствовать по своим масштабам приходу, городу, но лишь потому, что теперь на первый план выдвигались целесообразность и соответствие нуждам нового, гораздо более камерного средневекового общества.

Книга касается практически всех известных в Равенском экзархате ремесленных специальностей. Этот список открывают строители, вслед за которыми следуют производители украшений, мозаики, стекла, пергамента, книг, керамики, металлических изделий, изготовители шагрей, обуви, мыла, свечей, красок, булочники, мясники, рыбаки, судостроители, а замыкают лица свободных профессий, обслуживавшие рынок сферы услуг, – врачи, учителя, бродячие актеры, мимы. Среди этого ряда названы и кузнецы,

которые значатся как изготовители оружия. Разумеется, источники называют такую продукцию как копья, мечи, дротики и даже то “железо”, в которое были облачены равенцы – участники событий 710 г., но едва ли для всего этого годились обычные кузнецы (ср. с. 264). Здесь требовались навыки специалистов-оружейников. Маловероятно также, чтобы абсолютно все свечники – *seaeagi* находились в зависимости от архиепископа Равенны (с. 265). Монополию церкви на производство и продажу свечей не следует абсолютизировать.

Весьма важен вывод об отсутствии в этом мире итальянских профессионалов узкой специализации и о сочетании в лице одного носителя нескольких специальностей, к примеру, золотых дел мастера, стекольщика, красильщика и, возможно, изготовителя пергамента. Это наблюдение находит подтверждение в археологических источниках, обнаруживающих сочетание работы с самым разным исходным сырьем. Зато другой категорический вывод о том, что в VIII в. “качество работы мастеров резко изменилось к худшему”, требует смягчения и известной корректировки, поскольку в полной мере относится лишь к произведениям художественного ремесла (с. 268). Дело в том, что по уровню исполнения массовых изделий нет особой разницы между продукцией VII и IX вв. Археологи, имеющие дело с остатками такого массового материала, хорошо знают эту особенность. Что касается строгой специализации, то и раньше она отнюдь не доминировала в любой отрасли ремесла и в торговле. Даже попадание в зависимость от Церкви некоторых ремесленников, например, все тех же свечников, и их работа на заказ не означали полного отрыва от рынка, ибо главный заказчик продукции сам ориентировался на продажу части заказа. Эта поправка вполне увязывается с заявлением О.Р. Бородина, что “изделия местного ремесла регулярно поступали на городские рынки” (с. 269).

Торговля и не прекращавшееся движение товаров обнаруживают себя в наличии этих рынков и денежного обращения. Само собой разумеется, трудно было бы ожидать ее интенсивности между отдельными районами, поскольку ассортимент обращавшихся продуктов и товаров был везде один и тот же. Таким образом, отраженную в книге картину следует признать вполне нормальной для уровня запросов раннесредневекового общества. Несколько иное положение занимает внешняя торговля, тоже знавшая специализацию среди купцов и сокращение числа последних в VII–IX вв. (с. 270–271). Впрочем, и здесь происшедшие изменения отражали закономерности эпохи и назвать их имманентно кризисными можно с большой натяжкой. К примеру, упадок Классиса был вызван не экономическими, а экологическими причинами, отступлением моря, поэтому равенцы не забросили мореплавание, но в VIII в. стали использовать в качестве гавани бухту *Candidianus* недалеко от Классиса (с. 272). Если состояние портов и ухудшилось, то прежде всего вследствие натиска лангобардов, и, следовательно, это явление не имело подспудно вызревавшей экономической подоплеки. Вывоз сельскохозяйственной продукции из экзархата в Византию тоже находит новые, любопытные подтверждения (с. 279).

Среди выдвинутых О.Р. Бородиным положений следует особо отметить проблему сохранения в византийской Италии VI–начала VII в. корпоративной организации торговли и ремесла (с. 289). В VII–VIII вв. такие объединения выступали под неофициальным названием *sholae*, не имели четкой внутренней структуры и, важно подчеркнуть, не подвергались жесткой государственной регламентации, какую исследователи обычно связывают с классическим строем византийских профессиональных ассоциаций. Это был более гибкий подход и поэтому за ним было будущее.

Необходимо признать плодотворной еще одну попытку исследования социальной стратификации городского населения, проделанную О.Р. Бородиным после А. Гийу, А. Вазины, Ф. Дельгера и Т. Брауна. Оригинальным представляется наблюдение о вхождении в состав нобилитета не только земельных собственников, но и верхушки торгово-ремесленного населения, особенно тех ее представителей, чья деятельность приравнивалась к государственной службе (аргиропратов, навклиров). Автор, в отличие от своих предшественников, учитывает внутреннюю неоднородность социальных групп, определяемую источниками (с. 293–303). Вместе с тем, об исключительно высоком общественном статусе всей верхушки купечества следует говорить осторожнее: публичные обязанности, сближавшие их с официальными, имели далеко не все, причем, скорее мень-

шинство, а шелкоторговцы и гуннары – “меховщики” (скорняки) едва ли ими обладали (ср. с. 296). Сближать их всех с аристократией едва ли правомерно, ибо отправление чиновных обязанностей автоматически переводило торговцев в иную страту, для которой отправление торговых дел не имело прежнего значения, а становилось чем-то второстепенным.

Книга завершается анализом этнических процессов в Восточной Италии и попыткой установить их специфику. Главное, что здесь удалось определить О.Р. Бородину, это постепенную, неуклонную натурализацию византийских социальных элементов в стране. Причем воздействие варварских этносов на ход социальных процессов он вполне убедительно считает необходимым признать “исчерпывающе незначительным” (с. 331).

В целом, следует подчеркнуть оригинальность мышления, высокий профессионализм, компетентность, прекрасное владение словом, проявленные автором книги, что позволяет оценить ее как блестящий вклад в медиевистику, который пополнил “золотой фонд” фундаментальных исследований престижной серии “Византийская библиотека”.

С.Б. Сорочан

Ангелов П. България и българите в представите на византийците.
София: ЛИК, 1999. 288 с.

Тему новой монографии видного болгарского медиевиста, заведующего кафедрой болгарской истории Софийского университета проф. Петра Ангелова трудно назвать новаторской. Введенная в круг “главных тем” современной византистики на XVII конгрессе византологов в Вашингтоне (1986) акад. Г.Г. Литавриным, проблема взаимных представлений византийцев и славян друг о друге по сей день находится в центре внимания отечественных и зарубежных ученых. П. Ангелов в своем труде сводит результаты многолетних исследований образа болгар и их страны в византийских нарративных источниках за весь период существования средневекового Болгарского государства. Его книга рассматривает представления византийских авторов о своих ближайших соседях, партнерах и антагонистах как в тематическом (земля болгар, их внешний вид и одежда, ментальность, обычаи и язык), так и в хронологическом (государя Первого и Второго Болгарских царств) аспектах.

Автор подходит к “образу другого” как к отражению двух культур – той, что создает этот образ, и той, которой принадлежит его прототип. Отдавая себе отчет в предельной обобщенности такого образа, он вводит в исследование в качестве конкретных примеров портреты (“психосоматограммы”) болгарских государей, которые упоминаются в византийских текстах, по преимуществу историографических, житийных и эпистолярных. Прав болгарский исследователь и в другом выводе из первоначальной посылки – изменявшаяся от VII к XIV столетию византийская картина мира влияла на трансформацию образа болгар и Болгарии не в меньшей степени, чем изменения самих объектов.

В первой главе книге рассматривается видение византийскими авторами Болгарии и ее “природных данностей”. Автор выделяет общие представления о Болгарской земле и влиянии ее природной среды на живущих здесь людей, взгляды на Болгарию как театр военных действий имперских войск, описания климата и природных богатств страны. Глава очень лаконична и оставляет неосвещенными отдельные вопросы. Например, важнейшая “природная данность” Болгарии – это ее место в пространственной ориентации византийцев. Если для одних авторов болгары – это люди Севера, т.е. типичные варвары, подходящие под стереотипные описания северян, идущие от античной традиции, то для других территория Болгарии – это имперский Запад, часть полученного Вторым Римом Константинова наследия. “Северная” и “западная” ориентации порождают два разных угла зрения, которыми и объясняются кажущиеся противоречия византийских текстов, рисующих Болгарию то дикой и пустынной страной, то процветающей житницей.